

ГЛАВА IV.

Бунты на юго-востокѣ.

ЖЕ ДО ПЕТРА, бѣглецы изъ общества, которое или имъ не нравилось, или ихъ преслѣдовало, находили убѣжище на юго-востокѣ. Къ степнымъ казакамъ приставали охотно всѣ недовольные люди съ казацкимъ характеромъ. Сюда бѣжали крестьяне, которымъ не жило у своихъ господъ, раскольники, преслѣдуемые церковью, опальные, преступники, рекруты. Отсюда толпы недовольныхъ старались возбуждать низшіе классы противъ высшихъ. Отсюда, не разъ въ продолженіе XVII вѣка, шли ко всѣмъ недовольнымъ въ Московскомъ государствѣ грамоты, въ которыхъ вмѣстѣ съ воззваніемъ «стоять за домъ Богородицы» встрѣчается приглашеніе убивать бояръ и воеводъ, грабить богатыхъ, возставать противъ правительства вообще. Здѣсь до Петра свирѣпствовали шайки Стеньки Разина, а послѣ него — полчища Пугачева. Здѣсь и при немъ оказывались неизбѣжными безпорядки, принимавшіе большіе размѣры и грозившіе страшною опасностью самому центру государства. Отсюда мятежъ не разъ собирався двинуться на Москву, въ надеждѣ воспользоваться общимъ неудовольствіемъ и «заколыхать всѣмъ государствомъ». До Петра трудно было правительству бороться съ этими революціонными элементами. Войско состояло изъ стрѣльцовъ, которые легко приста-

вали къ казакамъ; они вышли изъ тѣхъ-же слоевъ общества, какъ и казаки, привыкли владѣть оружіемъ, были недисциплинированы, полукзаки. И въ Смутное время, и при Стенькѣ Разинѣ, и при Петрѣ, недовольные въ государствѣ были готовы дѣйствовать за-одно съ мятежными казацкими шайками. Заслышавъ приближеніе этихъ шаекъ, крестьяне побивали помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ, чернь въ городахъ бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей; поднимались инородцы: мордва, чуваша, черемисы, татары, башкиры, калмыки. Со временъ Стеньки Разина, число недовольныхъ возросло до громаднхъ размѣровъ; раскольниковъ было множество; бѣглые стрѣльцы вооружали всѣхъ и каждаго противъ ненавистнаго имъ правительства. Въ предводителяхъ мятежа не было недостатка. Постоянно являлись въ этихъ мѣстахъ похожіе другъ на друга атаманы, въ родѣ Заруцкаго, Болотникова, Разина и пр. Здѣсь усиливались толпы недовольныхъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ послѣ стрѣleckихъ бунтовъ 1682 и 1698 годовъ. Ко всему этому присоединилось общее раздраженіе по поводу нововведеній Петра. Такимъ образомъ, дѣло дошло до астраханскаго бунта, до казацкаго возстанія на Дону при Булавинѣ, до мятежей инородцевъ, между которыми опаснѣйшими оказались башкиры.

Укажемъ на нѣкоторые признаки общаго броженія на юго-востокѣ еще до начала этихъ бунтовъ.

Уже въ 1700 году, образовались довольно значительныя разбойническія шайки на Дону и на Медвѣдицѣ. Атаманами были между прочимъ раскольники. Ненависть къ боярству, склонность дѣйствовать заодно съ самозванцами не переставали проявляться на Дону. Въ августѣ 1701 года, велѣно было взять въ Преображенскій Приказъ съ Дона казаковъ, оказавшихся виновными въ непригожихъ словахъ, въ распущеніи разныхъ опасныхъ слуховъ, въ возбужденіи общаго неудовольствія. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ. Пришелъ нѣкто Авилка изъ Іерусалима и сказывалъ про царя Ивана; Авилку донскіе казаки почитаютъ за святого, потому что онъ имъ пророчествуетъ: въ первый Азовскій походъ сказалъ, что Азова не возьмутъ, а во второй сказалъ, что возьмутъ; Авилка держится раскола». Другой говорилъ про Петра: «онъ не царь, антихристъ; царица Наталья родила царевну-дѣвицу, а вмѣсто той царевны своровали бояре, подмѣнили иноземца, Францова сына Лефорта». Третій говорилъ: «Азову за

государемъ не долго быть: донскіе казаки, взявъ его, передадутся къ турецкому султану по прежнему». Недовольные казаки говорили: «теперь намъ на Дону отъ государя тѣсно становится; какъ онъ будетъ на Донѣ, мы его приберемъ въ руки и отдадимъ турецкому салтану; а прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходитъ онъ по Дону въ шлюпкѣ съ малыми людьми» ¹⁾).

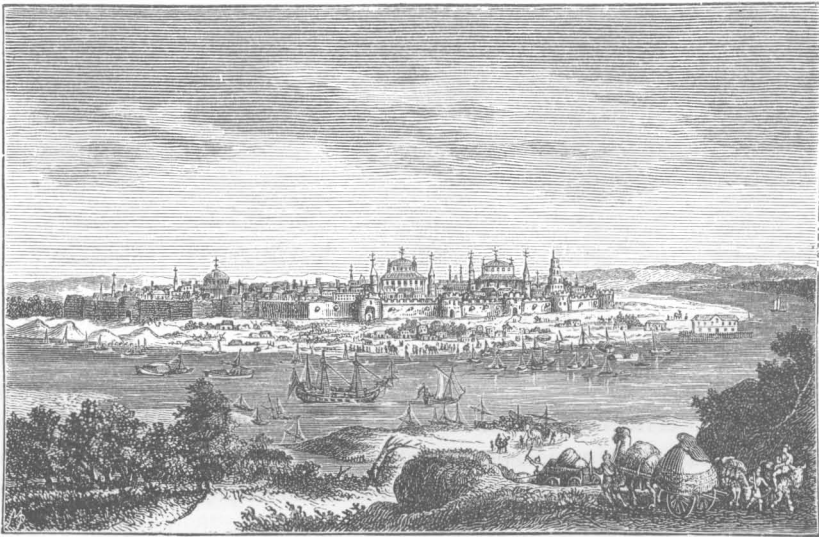
Однако, пока на Дону не доходило до бунта. Донцы оставались спокойными даже во время астраханскаго бунта, въ 1705 г.

Въ половинѣ 1705 года, когда царь находился съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ углу государства, — въ Астрахани. Мѣсто было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ, вслѣдствіе чего астраханскій бунтъ и не носитъ вполнѣ мѣстнаго характера. Зачинщиками были: купецъ Яковъ Носовъ изъ Ярославля, Артемій Анцыферовъ изъ Москвы, разные посадскіе люди изъ Нижняго Новгорода, Павлова, Углича, Симбирска, а также и астраханскіе жители, стрѣльцы, солдаты и пр.

Однимъ изъ главныхъ разгласителей ложныхъ слуховъ былъ пришедшій изъ Москвы стрѣлецкій сынъ, Степанъ. Двое дядей Степана были казнены въ Москвѣ; онъ остался съ матерью и слышалъ однажды, какъ жена какого-то столяра разговаривала съ его матерью: «стрѣльцовъ всѣхъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ переменный государь; какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ тожь время боярыня или боярышня родила сына, и того сына взяли къ царицѣ». Выросши, Степанъ отправился въ Астрахань; на дорогѣ туда, въ Коломнѣ, онъ зашелъ къ дядѣ, Сугоняю, который говорилъ ему: «сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей смутить; и Донъ и Яикъ потянутъ съ вами-же; кому противъ вась быть противнымъ? государь бьется съ шведомъ, города всѣ пусты, которые малые люди и есть, и тѣ того-же желаютъ и ради вась будутъ; можно старую вѣру утвердить». Дядя далъ Степану письмо, въ которомъ говорилось, что Москвою завладѣли четыре боярина столбовые и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти. Приѣхавъ въ Астрахань, Степанъ началъ разглашать эти слухи; иные унимали его, другіе поддакивали; онъ сталъ говорить громче и нашелъ единомышленниковъ.

¹⁾ Соловьевъ, XV, 161—163.

Въ іюлѣ прошла въ Астрахани молва, что государя не стало и для того воевода астраханскій, Тимоѳей Ржевскій, и начальныя люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить и въ нѣмецкомъ платьѣ ходить. Недовольные жаловались на новыя пошлыны. Однажды, къ толпѣ, собравшейся у Никольской церкви, вышелъ пономарь этой церкви, вынесъ книгу и началъ читать о брадобритіи: «хорошо», говорилъ пономарь, «за это и постоятъ, хотя-бъ и умереть: вотъ о томъ и въ книгѣ написано». Сильное впечатлѣніе произвелъ поступокъ цѣловальника, стрѣльца Григо-

Астрахань въ концѣ XVII столѣтія.

Съ современной голландской гравюры.

рія Ефвтифеева, который долженъ былъ собирать пошлыны съ русскаго платья: онъ пошлынѣ собирать не сталъ, бороды себѣ не выбрилъ и на вопросъ воеводы, для чего онъ это дѣлаетъ, — отвѣчалъ: «хотя умру, а пошлыны собирать и бороды брить не буду». Воевода велѣлъ посадить его подъ караулъ.

Въ концѣ іюля, на торгу пошла молва, что запрещено играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ, которыхъ приплотъ изъ Казани. Астраханцы пришли въ ужасъ и рѣшили выдать своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣе замужъ, до указа, чтобы потомъ не выдавать ихъ за нѣмцевъ. 29-го іюля, въ воскресенье, было сѣиграно около ста сва-

дебѣ; на каждой не обошлось безъ пира; разгоряченныхъ виномъ легко было поднять на бунтъ.

Ночью, у Никольской церкви собралось челоѣкъ съ 300, которые вломились въ Кремль и убили нѣсколькихъ офицеровъ, между которыми были и иностранцы. Жену одного капитана, Мейера, убили за то, что она за нѣсколько времени до бунта говорила какому-то стрѣльцу: «станете и вы въ постѣ мясо ѣсть».

Буйство продолжалось и на слѣдующій день. Раздавались крики: «надобно идти въ Москву провѣдать про государя, живѣ-ли онъ?» Другіе кричали: «онъ живѣ, да въ заточеніи въ Стекольномъ, закладенъ въ столпѣ, а на Москвѣ не прямой государь». Искали ненавистнаго всѣмъ воеводу Ржевскаго, который сребролюбіемъ и недобросовѣстностью навлекъ на себя общее негодованіе. Его нашли на воеводскомъ дворѣ за поварнею, въ курятникѣ, привели въ кругъ и убили. Затѣмъ введены были казацкіе порядки. Какъ скоро кончили съ царскимъ воеводою, приступили къ выбору своихъ начальниковъ. Главнымъ старшиною сдѣлался ярославскій гость, Яковъ Носовъ. Какъ онъ, такъ и его помощникъ, астраханскій бурмистръ Ганчиковъ, принадлежали къ раскольникамъ ¹⁾.

Извѣстіе о событіяхъ въ Астрахани произвело въ столицѣ глубокое впечатлѣніе. Плееръ высказалъ опасеніе, что этотъ бунтъ можетъ сдѣлаться ужаснымъ и для самой Москвы. Онъ-же узналъ кое-что о причинахъ бунта. По его разсказу, не столько бороды и платье, сколько финансовыя притѣсненія, чрезмѣрные налоги и поборы, послужили поводомъ къ раздраженію народа. Онъ говоритъ о новой подати, которую должны были платить башкиры, о соляной пошлинѣ, оказавшейся губительною для рыбнаго промысла, о разныхъ налогахъ на печи, бани и мосты, на разные стѣснительныя распоряженія правительства относительно торговли рыбою, а также и о высокой пошлинѣ на бороды ²⁾.

О причинахъ бунта начальники мятежниковъ въ граматахъ, разосланныхъ къ казакамъ для того, чтобы поднять ихъ за старину, говорили слѣдующее: «стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за бранобрітіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквямъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьѣ не пуцали, а которые въ церковь Божію ходили, и у тѣхъ платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и

¹⁾ Соловьевъ, XV, 142—144. О Носовѣ, какъ о расколникѣ, говорятъ Перри и Шереметевъ.

²⁾ Устряловъ, IV, 2, 650.

выбивали вонъ и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ и дѣтямъ чинили воеводы, и начальныя люди покланялись и насъ кланяться заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали, и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли... а мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумірскихъ боговъ. Да насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ-же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ-же хлѣбное жалованье безъ указа отняли. И мы о томъ многое время терпѣли и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобы намъ вѣры христіанской не отбыть и болванамъ кумірскимъ богамъ не покланяться и напрасно смертію душею съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стало намъ быть тягость великая, и мы того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изначальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ-же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ отъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и по три человѣка на дворы и тамошнимъ жителямъ и женамъ и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательства»¹⁾.

Трудно судить о мѣрѣ легковѣрія астраханцевъ въ отношеніи къ «нѣмцамъ въ Казани» или къ «кумѣрскимъ богамъ начальныхъ людей». Но достойна вниманія склонность народа придавать всякому мятежному дѣйствію религіозное значеніе. О способѣ происхожденія такихъ нелѣпыхъ слуховъ, какъ рассказы о болванахъ, можно судить по слѣдующему объясненію этого страннаго недоразумѣнія. Въ Москвѣ любопытствовали знать, что такое за кумѣрскіе боги, о которыхъ писали астраханцы? Одинъ изъ ихъ посланныхъ объяснилъ дѣло: кумѣрами бунтовщики называли столярной работы личины деревянныя, на которыя у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей накладывались парики для сбереженія, чтобы не мялись.

Грамата астраханцевъ къ казакамъ на Терекѣ произвела сильное волненіе. Тамъ произошли буйства; подполковникъ Некрасовъ былъ убитъ; мятежники, такъ-же какъ и въ Астрахани, приступили къ избранію начальныхъ людей. Но на Терекѣ далеко не всѣ думали одинаково: казаки и московскіе стрѣльцы были за бунтъ, а терскіе стрѣльцы, конные и пѣшіе, съ ними не тянули. Въ Астрахани была получена очень неудовлетворительная грамата отъ терскихъ атамановъ и казаковъ: «мы рады за вѣру Христову

¹⁾ Соловьевъ, XV, 144.

и за брадобритіе, и за табакъ, и за нѣмецкое платье, мужское и женское, и за отлученіе церкви Божіей стоять и умирать; но вы, все великое астраханское войско и все православное христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать: сами вы знаете, что насъ малое число» и проч. Зато Красный и Черный Яръ объявили себя за Астрахань. Красноярыцъ взбунтовались всѣмъ городомъ, сковали воеводу за налоги и отправили его въ Астрахань съ челобитчиками на него: тамъ челобитыя были найдены справедливыми и воевода убитъ.

Въ другихъ мѣстахъ астраханцы не находили, однако-жъ, союзниковъ. Такъ, напримѣръ, жители Царицына писали: «мы къ вашему союзу пристать не хотимъ... вы къ намъ писали, будто стали за православную вѣру: и мы, Божіею милостью, въ городѣ Царицынѣ всѣ христіане и никакого раскола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не поклоняемся» и пр.

Весьма ловко распорядился Ѳедоръ Матвеевичъ Апраксинъ, находившійся въ то время въ Воронежѣ. Узнавъ объ астраханскомъ бунтѣ, онъ написалъ въ Черкасскъ, чтобы тамошнее правительство послало отъ себя во всѣ казачьи городки добрыхъ казаковъ, челоуѣка по два или больше, съ подтвержденіемъ, чтобы нигдѣ къ астраханцамъ не приставали. Донскіе казаки дали знать, что у нихъ бунта не будетъ, потому что имъ отъ великаго государя никакого утѣшенія нѣтъ, что до сихъ поръ о бородахъ и о платьѣ имъ указу не прислано, и платье они носятъ по своему древнему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое нравится и пр.

Такимъ образомъ, бунтъ былъ остановленъ въ самомъ началѣ несогласіемъ донскихъ казаковъ въ немъ участвовать; а между тѣмъ Петръ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ его потушенію. Сначала предположили употребить для борьбы съ астраханцами донскихъ казаковъ. Въ Москвѣ рассказывали, будто калмыцкій ханъ Аюка съ 12,000 калмыковъ разбилъ мятежниковъ на голову ¹⁾. На казаковъ и на калмыковъ, однако, нельзя было надѣяться. Хотя въ то время, по случаю шведской войны, правительство и нуждалось въ регулярномъ войскѣ, но царь, находившійся въ Митавѣ, когда узналъ объ астраханскомъ бунтѣ, тотчасъ же рѣшился отправить туда Шереметева съ нѣсколькими полками. Эта мѣра служить свидѣтельствомъ значенія, которое

¹⁾ Устряловъ, IV, 2, 646—646, донесенія Плейера.

царь придавалъ безпорядкамъ на юго-восточной окраинѣ. Изъ письма Петра къ боярину Стрѣшневу видно, что царь считалъ положеніе даже самой столицы далеко не безопаснымъ. «Совѣтую вамъ», сказано тутъ, «чтобъ, деньги изъ приказовъ собравъ, вывезти изъ Москвы, или-бъ съ вѣрными людьми тайно гдѣ положили или закопали, всякаго ради случая; такожь и ружье лучше-бъ чтобъ не на Москвѣ было. Почты, кои ходятъ за рубежъ и къ городу (Архангельску), задержать до времени ¹⁾».

Царицынъ въ XVII столѣтіи.

Съ современной голландской гравюры Фонъ-деръ-Аа.

Несмотря на утѣшительное извѣстіе, что на Донѣ все тихо и спокойно, Петръ писалъ Шереметеву: «для Бога, не мѣшай, какъ общался, и тотчасъ поиди въ Казань». Однако, радостная вѣсть, что казаки отвергли предложеніе астраханцевъ, все таки успокоила царя. Онъ писалъ къ Апраксину: «изъ вашихъ писемъ я выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ конецъ гнѣвъ свой

¹⁾ Соловьевъ, XV, 149.

пролити, и онымъ уже чрезъ 25 лѣтъ губительнымъ псамъ волю и въ невинныхъ кровяхъ утѣху подать изволилъ, и чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушити изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ» ¹⁾).

Петръ самъ хотѣлъ заняться разслѣдованіемъ причинъ астраханскаго бунта, и потому распорядился, чтобы нѣкоторые бунтовщики, уже арестованные, были отправлены къ нему въ Гродно ²⁾).

Между тѣмъ, еще до прибытія Шереметева въ Астрахань, были сдѣланы попытки покончить съ мятежниками мирнымъ путемъ. Петръ отправилъ въ Астрахань, съ тамошнимъ жителемъ, Кисельниковымъ, грамату съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей и, перехвативъ главныхъ заводчиковъ, прислать ихъ въ Москву, чѣмъ заслужать прощеніе. Когда Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань, тамъ рѣшили написать повинную къ государю и для ея поднесенія выбрали восемь человѣкъ, которыхъ и отправили вмѣстѣ съ Кисельниковымъ.

Въ повинной изложены были слѣдующія жалобы астраханцевъ: междоусобіе учинилось за брадобритіе и нѣмецкое платье, и отъ многихъ налоговъ и обидъ начальныхъ людей. Воевода Ржевскій посылалъ капитана Глазунова да астраханца Евреинова къ церквамъ и по большимъ улицамъ, и у мужескаго и у женскаго пола платье обрѣзывали не по подобію и обнажали предъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ. Ржевскій стрѣльцамъ хлѣбнаго жалованья давать не велѣлъ, бралъ налоги съ бань, съ погребовъ, подымныхъ, вальныхъ, отъ точенья топоровъ и ножей, отъ битья бумаги, съ варенья пивъ и брагъ; тѣхъ, которымъ платить нечѣмъ, воевода сажалъ за караулъ и билъ на правежѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали. Ржевскій бралъ на откупъ пошлыны и бралъ вдвое и втрое больше, чѣмъ слѣдовало. Служилыхъ людей онъ посылалъ зимнимъ путемъ для рубки дровъ, и многіе отъ стужи помирали, да и про домашній свой обиходъ для дровъ и сѣна и травы ихъ посылалъ же; а полковники и начальные люди—нѣмцы, ругаючися христіанству, многія тягости имъ чинили и безвинно били, и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли, и всякое ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили. Полковникъ Девинъ съ иноземцами начальными людьми заставляли ихъ дѣлать самыя нечистыя работы, били ихъ по щекамъ и палками, и велѣли дѣлать безвре-

¹⁾ Соловьевъ, XV, 149.

²⁾ Устряловъ, IV, 2, 105 и 106.

менно нѣмецкое платье и усы и бороды брили и щипцами рвали насильствомъ и пр.

Повинная подѣйствовала на бояръ въ Москвѣ. Головинъ просилъ царя о безусловномъ помилованіи бунтовщиковъ, сознавая, что и со стороны представителей власти было сдѣлано очень много для возбужденія неудовольствія. «Въ насъ не безъ воровъ было» ¹⁾, писалъ Головинъ царю.

Петръ сначала послушался совѣта Головина. Челобитчиковъ отпустили съ грамотою, въ которой заключалось всепрощеніе ²⁾. Есть извѣстіе, что король польскій заступился за астраханцевъ и упросилъ царя поступить съ ними менѣе строго ³⁾.

Шереметеву царь писалъ: «всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать и, взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить»... «и зачинщиковъ причинныхъ ничѣмъ не озлоблять и только ихъ препоручить и дать имъ жить на свободѣ и всяко тѣшиться, чтобъ ласкою ихъ привлечь»... «и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспринимать и то... если они весьма упорно явятся и не покорятся, чего мы, по отпискамъ ихъ къ намъ, не чаемъ» ⁴⁾.

Вышло именно такъ, какъ Петръ не чаялъ. Въ Астрахани были двѣ партіи; одна часть жителей, во главѣ которой находилось духовенство, была расположена къ примиренію, другая—все еще надѣялась на успѣхъ въ открытой борьбѣ съ властью и, очевидно, рассчитывала на немногочисленность войска, которымъ располагалъ Шереметевъ. Митрополитъ Самсонъ и Георгій Дашковъ, строитель Астраханскаго-Троицкаго монастыря, находились въ перепискѣ съ бояриномъ.

Когда Шереметевъ приближался къ Астрахани, на встрѣчу къ нему являлись духовныя лица, нѣкоторые стрѣлцкіе пятидесятники и десятники и разные инородцы, съ объявленіемъ, что весь народъ астраханскій готовъ его встрѣтить. Несмотря на это, однако, приходилось до вступленія въ городъ вести переговоры съ астраханцами, между которыми заводчики бунта пользовались большимъ уваженіемъ. Когда отъ имени Шереметева въ Астрахань къ старшинѣ, Якову Носову, пріѣхалъ сызранскій посадскій человѣкъ, Данила Бородулинъ, то Носовъ говорилъ ему въ круту, при всѣхъ:

¹⁾ Соловьевъ, XV, 154—152.

²⁾ Тамъ-же, XV, 152.

³⁾ Устряловъ, IV, 2, 651—652, донесеніе Плейера.

⁴⁾ Соловьевъ, XV, 154—155.

«здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру, коли-нибудь намъ всѣмъ умереть будетъ, да не вовсе бы и не всякій такъ, какъ нынѣ нареченный царь, который называется царемъ, а христіанскую вѣру порудилъ: онъ же умеръ душею и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть». Далѣе Носовъ говорилъ тихонько: «вѣдь мы неспроста зачали! Это дѣло великое: есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди... есть у насъ письмо изъ Московскаго государства отъ столпа отъ сущихъ христіанъ, которые стоятъ за вѣру же христіанскую». Когда Бородулинъ, взявъ ковшъ вина, сказалъ: «дай Боже благочестивому государю многолѣтно и благополучно здравствовать!» — на это отозвался старшина, московскій стрѣлецъ Иванъ Луковниковъ: «какой онъ государь благочестивый, — онъ, неочесливый, полатынилъ всю нашу вѣру!» Въ кругу раздавались бранные крики на государя: «не сила Божія ему помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и обла тынилъ, обмѣнный онъ царь. Идти ли намъ, нѣтъ ли, до самой столицы, до родни его, до нѣмецкой слободы и корень бы весь вывести; всѣ тѣ ереси отъ еретика, отъ Александра Меншикова. И чрезъ нѣсколько дней Яковъ Носовъ, при подобномъ же случаѣ, говорилъ о Петрѣ: «я про его здоровье пить не стану: какъ намъ пить про такого православныхъ христіанъ ругателя? что вы не образумитесь? вѣдь вы и всѣ пропали; обольстили васъ начальные люди милостію; пропали вы душею и тѣломъ». Ко всему этому Носовъ, наконецъ, прибавилъ угрозу: «на весну и мы къ вамъ будемъ».

Развязка приближалась. Когда Шереметевъ еще болѣе подошелъ къ Астрахани и послалъ туда письмо, чтобъ перестали бунтовать, отвѣта не было, но пришло нѣсколько дворянъ съ вѣстью, что мятежники готовятся къ отчаянной борьбѣ. Приходилось сражаться съ бунтовщиками, причемъ повторилось явленіе, положившее конецъ стрѣleckому бунту 1698 года близъ Воскресенскаго монастыря. Царскія войска дали залпъ; бунтовщики побѣжали, покинувъ пушки и знамена. Сначала они еще намѣревались защищаться въ Кремлѣ, но въ тотъ же самый день вышли оттуда съ просьбою о прощеніи. Шереметевъ велѣлъ всѣмъ положить оружіе и на другой день занялъ Кремль: на его пути, по обѣимъ сторонамъ улицы, астраханцы лежали на землѣ.

Шереметевъ въ этой схваткѣ потерялъ 20 человѣкъ убитыми и 53 ранеными. Въ Москвѣ говорили, что убитыхъ и раненыхъ мятежниковъ было до 4,000, но эта цифра едва ли можетъ соотвѣтствовать истинѣ. Такому же мнѣнію подлежитъ разсказъ

Плейера о немедленной, послѣ взятія Кремля, казни 200 чело-
ловѣкъ ¹⁾). Изъ письма Шереметева къ Головину, напротивъ, видно,
что нужно было дѣйствовать крайне осторожно, потому что Но-
совъ, какъ писалъ Шереметевъ, «великій воръ и раскольникъ, и
нынѣ при немъ всѣ его бояться и въ шапкѣ съ нимъ никто гово-

Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Съ гравированнаго портрета Антипова (при книгѣ „Письма Петра I къ Шереметеву“).

рить не можетъ». Замѣчательнъ отзывъ Шереметева о бунтовщи-
кахъ вообще: «я такова многочудства и сумасброднаго люду отъ
роду не видалъ, и надуты страшною злобою, и весьма насъ имѣютъ
за отпадшихъ отъ благочестія. Какъ надуты и утверждены въ
таковой бездѣлицѣ!»

¹⁾ Устряловъ, IV, 653.

Окончаніе дѣла совершенно походило на печальный исходъ стрѣльческаго бунта 1698 года. Участники бунта были перехвачены и отправлены въ Москву: здѣсь ихъ колесовано, казнено и умерло во время продолжительнаго розыска 365 человѣкъ. Очевидно, правительство, повторяя допросы и пытки, надѣялось открыть какую-нибудь связь между астраханскимъ бунтомъ и какимъ-либо революціоннымъ элементомъ въ центрѣ государства. Шереметевъ вступилъ въ Астрахань 12-го марта 1706 года; два года позже—8-го февраля 1708 года, происходили послѣднія казни: 70 человѣкъ были обезглавлены, пять колесованы, 45 повѣшены; до этого, между прочимъ, по свидѣтельству Плейера, 28-го ноября 1707 года, были казнены 30 человѣкъ обезглавленіемъ, 60 человѣкъ повѣшеніемъ.

Во все время до окончательной побѣды, одержанной надъ мятежниками, Петръ сильно беспокоился. Извѣстіе объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ чрезвычайно обрадовало царя. Онъ писалъ Шереметеву: «письма ваши принялъ, и за неизреченную Божію милость Господа Бога благодарилъ съ изряднымъ триумфомъ, которою викторіею надъ сими проклятыми воры вамъ, яко виновнымъ оной викторіи, поздравляемъ; за который вашъ трудъ Господь Богъ вамъ заплатитъ, и мы не оставимъ». А къ Меншикову: «*Min Bruder!* Я не могу оставить вамъ безъ объявленія, какимъ образомъ проклятые астраханцы, послѣ присылки повинныя, наглости дѣлали. Богъ чудно смирилъ ихъ: ибо вѣще 10,000 человѣкъ было, нашихъ же около трехъ, а такъ ихъ побили, что Земляной городъ приступомъ взяли» и пр. ¹⁾.

Въ 1707 году, явилась новая забота—бунтъ инородцевъ. Уже съ 1705 года между башкирами обнаружилось сильное волненіе. Движеніе приняло большіе размѣры вскорѣ послѣ побѣды надъ астраханцами. Приходилось отправлять противъ нихъ войска и сражаться съ ними. Не безъ труда удалось справиться съ «башкирскимъ воровствомъ», при помощи оставшихся вѣрными правительству калмыковъ. И въ башкирскомъ бунтѣ, какъ и въ астраханскомъ, важнѣйшими причинами раздраженія были злоупотребленія представителей власти ²⁾.

¹⁾ Устряловъ, IV, 1, 505.

²⁾ Подробности см. у Соловьева, XV, 233—237, по неизвѣстнымъ до того дѣловымъ бумагамъ. О дальнѣйшихъ башкирскихъ бунтахъ, въ 1712 г. и слѣд., см. Соловьева, XVI, 385 и пр.

Въ то время, когда башкиры начали уже успокоиваться, запылалъ бунтъ на Дону. Населеніе по рѣкамъ: Бузулуку, Медвѣдицѣ, Битюгу, Хопру, Донцу, состояло почти исключительно изъ бѣглецовъ. Верховые казачьи городки не могли правиться правительству: жители ихъ весьма часто были готовы возставать вооруженною рукою противъ власти. Чѣмъ строже къ нимъ относился царь, тѣмъ опаснѣе становились эти противугосударственные элементы на юго-восточной окраинѣ. На донскихъ казаковъ и впродолженіе всего XVII вѣка была плохая надежда. Всегда они отличались своевольствомъ, нѣкоторою независимостью, иногда буйствомъ. При Петрѣ усиленіе центральной власти, перемѣна въ отношеніяхъ ея къ казачьимъ порядкамъ въ духѣ преобразованія, чрезмѣрная строгость государства, солидарность казачьего элемента со стрѣльцами, лишенными прежнихъ льготъ и отправленными именно въ крайніе предѣлы государства—могли повести легко къ повторенію явленій временъ Стеньки Разина. Петръ требовалъ то выдачи бѣглыхъ крестьянъ, то разныхъ мѣръ для усиленія контроля надъ казачьимъ населеніемъ, то болѣе точнаго исполненія царскихъ указовъ вообще. Не мудрено, что люди на Дону, и прежде иногда склонные къ союзу съ татарами, турками и Персією, мечтали о бунтѣ и измѣнѣ. Мы упомянули выше, что Плейеръ изъ устъ одного казака узналъ о готовности его товарищей отложиться отъ Московскаго государства и отдаться въ подданство султана.

При такомъ настроеніи умовъ на Дону и его притокахъ, неучастіе жителей этихъ мѣстъ въ астраханскомъ бунтѣ могло считаться особеннымъ счастьемъ. За это неучастіе царь, не задолго до того обращавшійся къ казакамъ съ строгими указами о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и объ уничтоженіи казачьихъ городковъ, «поселенныхъ не по указу», награждалъ казаковъ новыми и драгоцѣнными войсковыми клейнотами и знаменами. Въ то же самое время, однако, повторялись прежнія требованія: свести городки, построенные послѣ азовскихъ походовъ не по указу, переписать всѣхъ жильцовъ, выслать новопришлыхъ людей въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ.

Не только эти указы не были приведены въ исполненіе, но бѣгство крестьянъ принимало именно въ это время все болѣе большіе размѣры. Бѣжали не одни крестьяне, но и работники съ публичныхъ работъ, забравши деньги впередъ, солдаты и стрѣльцы изъ Азова, множество драгуновъ изъ арміи Шереметева, когда онъ шелъ изъ Астрахани въ Кіевъ.

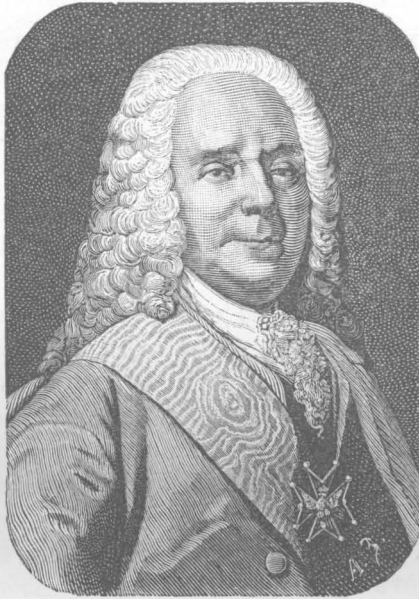
Царь не хотѣлъ терпѣть всего этого болѣе, особенно когда нужда въ служилыхъ и платящихъ людяхъ увеличивалась все болѣе и болѣе, и, въ 1707 году, отправилъ на Донъ полковника, князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, съ отрядомъ войска для отысканія бѣглецовъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Такая мѣра, однако, считалась какъ-бы нарушеніемъ казацкихъ правъ и поэтому возбудила сильное негодованіе во всемъ мѣстномъ населеніи. Начали говорить на Дону, что астраханцы были правы, возставая противъ государя, и что послѣдній напрасно наказалъ ихъ. Нашелся и второй Разинъ. Атаманъ Кондратій Булавинъ, 9-го октября 1707 года, на рѣкѣ Айдарѣ, напалъ на отрядъ князя Долгорукаго и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Затѣмъ, Булавинъ пошелъ по донецкимъ городкамъ, рассылая призывныя грамоты. Готовыхъ дѣйствовать за одно съ Булавинымъ нашлось очень много. Въ этихъ мѣстахъ подвиги Стеньки Разина были еще въ свѣжей памяти. Старики, участвовавшіе теперь въ булавинскомъ бунтѣ, были когда-то товарищами знаменитаго атамана эпохи царя Алексѣя Михайловича. Булавинъ хвалился, что къ нему пристанутъ астраханцы, запорожцы и терчане.

Однако, нашлись и противники бунта. Они сдѣлали нападеніе на шайки Булавина, побили многихъ приверженцевъ атамана, переказнили взятыхъ въ плѣнъ и сообщили царю о подробностяхъ своего подвига, такъ что Петръ, успокоившись, писалъ къ Меншикову: «и такъ, сіе дѣло милостію Божіею все окончилось».

Однако, дѣло кончилось не такъ скоро. Хотя Булавинъ на нѣкоторое время скрылся и поселился у запорожцевъ, но скоро снова явился на притокахъ Дона и около него собралось тотчасъ же нѣсколько сотъ «гуляевъ». Въ призывныхъ грамотахъ атамана довольно наивно и простодушно указана цѣль предпріятія: «атаманы молодцы, дорожине охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ аманомъ, Кондратьемъ Аванасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины самарскія». Все это, однако, не мѣшало обычному ханжеству, составлявшему Булавина въ другихъ грамотахъ говорить: «стоятъ со всякимъ радѣнемъ за домъ Пресв. Богородицы, и за истинную вѣру христіанскую, и за благочестиваго царя, и за свои души и головы... а которымъ худымъ людемъ и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и нѣмцомъ, за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать того ради, что они вводятъ всѣхъ въ еллин-

скую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменами и чудесы прелестными» и пр. Какъ на лучшихъ союзниковъ было указываемо, между прочимъ, на «всякихъ черныхъ людей», а къ тому еще велѣно было: «а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, и тѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы выпустить тотчасъ, безъ задержанія» ¹⁾).

Бунтъ могъ сдѣлаться особенно опаснымъ для Азова. Булавинъ велѣлъ насильно взять въ полки рабочихъ, которые готовили на

Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Хопрѣ лѣсъ въ отпускъ къ Азову. Такимъ образомъ, могла остановиться постройка укрѣпленій и флота въ Азовѣ. Это важное мѣсто было отрѣзано бунтомъ отъ сообщенія съ центральною властью.

Азовскій губернаторъ, Иванъ Андреевичъ Толстой, выслалъ противъ бунтовщиковъ войско, на которое, однако, нельзя было надѣяться, такъ какъ многіе изъ солдатъ и казаковъ перешли къ бунтовщикамъ; остальные были разбиты Булавинымъ на рѣчкѣ

¹⁾ Соловьевъ, XV, 242—244.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Лисоватѣ (8-го апрѣля 1708 г.). Слѣдствіемъ побѣды, одержанной бунтовщиками, было то, что за Булавина поднялись три рѣки—Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица. Между сторонниками мятежа было множество раскольниковъ. Броженіе стало распространяться до центральныхъ мѣстъ государства. Воры готовились идти къ Тамбову, къ Тулѣ, къ Козлову. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ жители нѣкоторыхъ деревень склонились къ бунту, выбрали между собою атамановъ и есауловъ и начали чинить расправу по казацкому обычаю. Разнеслись слухи, что хотятъ убить всѣхъ бояръ, прибыльчиковъ, подъячихъ.

Въ другомъ направленіи бунтъ принималъ все большіе размѣры. Въ возваніи Булавина къ кубанскимъ казакамъ сказано, между прочимъ, что бояре рѣшили всю рѣку Донъ разорить: «и стали было бороды и усы брить, такъ и вѣру христіанскую перемѣнить и пустыльниковъ, которые живутъ въ пустыняхъ, ради имени Господня, и хотѣли было христіанскую вѣру ввести въ еллинскую вѣру»... О начальныхъ людяхъ сказано: «многія станицы огнемъ выжгли и многихъ старожилыхъ казаковъ кнутомъ били, губы и носы рѣзали и младенцевъ по деревнямъ вѣшали» и пр. Въ другой граматѣ, къ старшинамъ кубанскихъ казаковъ, сказано, между прочимъ: «нынѣ на рѣкѣ у насъ казаковъ въ единомъ согласіи тысячъ со сто и больше; а напередъ что будетъ, про то Богъ вѣсть, потому что много русскіе люди бѣгутъ къ намъ на Донъ денно и ночью съ женами и дѣтьми отъ изгоны царя нашего и отъ неправедныхъ судей, потому что они вѣру христіанскую у насъ отнимаютъ. А если нашъ царь на насъ съ гнѣвомъ поступитъ, и то будетъ турецкой царь владѣть Азовомъ и Троицкимъ городами; а нынѣ мы въ Азовъ и въ Троицкой съ Руси никакихъ припасовъ не пропускаемъ, покажѣсть съ нами азовской и троицкой воевода въ согласіе къ намъ придетъ... а если намъ не станетъ жаловать или станетъ намъ на рѣкѣ какое утѣсненіе чинить, и мы войскомъ отъ него отложимся и будемъ милости просить у Всевышняго Творца нашего, Владыки, также и у турецкаго царя, чтобъ турецкій царь насъ отъ себя не отринулъ, и потому мы отъ своего государя отложимся, что нашу вѣру въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ отнимаетъ бороды и усы» и пр. Ко всему этому прибавлена просьба отправить копіи съ этого письма къ одному турецкому пашѣ и къ разнымъ татарскимъ мурзамъ, а подлинное письмо отправить къ султану въ Царьградъ. Въ особой припискѣ сказано: «по семъ писаніи войсковой атаманъ Кондратій Афанасьевъ и все войско донское у тебя, турецкаго салтана, ми-

лости прося, и челомъ быю. А нашему государю въ мирномъ состояніи отнюдь не вѣрь, потому что онъ многія земли разорилъ, за мирнымъ состояніемъ и нынѣ разоряетъ, также и на твое величество и на царство готовить корабли и каторги, и иные многіе воинскіе суды и всякой воинской снарядъ готовить»¹⁾).

Намъ не извѣстно, узналъ-ли Петръ о такихъ измѣнническихъ сношеніяхъ бунтовщиковъ съ турками. Однако, онъ принялъ рѣшительныя мѣры. Отправляя князя Василя Владиміровича Долгорукаго, брата убитаго бунтовщиками, съ войскомъ для борьбы съ ними, онъ писалъ ему, что нужно «сей огонь за разъ утушить». Въ инструкціи Долгорукому было сказано: «городки и деревни (на Хопрѣ и пр.) жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей; ибо сія сарынь кромѣ жесточи, не можетъ унята быть».

Изъ разныхъ писемъ царя къ Меншикову, Долгорукому, Толстому и пр. видно, какъ сильно онъ беспокоился и что особенно тяжелою заботою была мысль объ Азовѣ. «Смотри неусыпно», писалъ царь Долгорукому, «чтобъ надъ Азовомъ и Таганрогомъ оной воръ чего не учинилъ прежде вашего приходу»; затѣмъ онъ совѣтовалъ ласково поступать съ тѣми, которые пристали къ бунту, но принесли повинную и т. д. Къ Меншикову онъ писалъ: «ежели сохранить Господь Богъ Азовъ и Таганрогъ, то имъ (бунтовщикамъ) множиться отнюдь нельзя, понеже сверху войска, а снизу сіи города; на Волгу и Астрахань нѣтъ имъ надежды, и для того мусать (должны) пропасть» и пр. Петръ немного позже, въ другомъ письмѣ къ Меншикову, выразилъ надежду, что война въ Польшѣ не помѣшаетъ ему на нѣкоторое время отправиться на Донъ, «истребить сей огонь и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ учинить».

Между тѣмъ Булавинъ дѣйствовалъ успѣшно, занялъ важный городъ Черкасскъ и собиралъ все большія и большія силы. Петръ былъ очень встревоженъ и писалъ къ Меншикову: «воръ Булавинъ Черкасской взялъ и старшинъ пяти человекъ побилъ до смерти, и писалъ въ Азовъ войсковую отписку, что они ничего противнаго чинить не будутъ; однакожь чаю, сіе оной дьяволъ чинить, дабы оплошить въ Азовѣ и тайно возмутить, также и къ Москвѣ послана отъ нихъ станица съ оправданіемъ, съ отпискою; однакожь сему въ подкопѣ лежащему фитилию вѣрить не надобно; того

¹⁾ «Русская Старина», 1870, II, 5—7.

ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ помощію Божію безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, коково тотъ край намъ надобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу» ¹⁾).

Однако счастье измѣнило Булавину. Его шайки нѣсколько разъ были разбиваемы отправленными противъ нихъ отрядами войска. Долгорукій дѣйствовалъ довольно успѣшно и собирался было вѣшать 143 взятыхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ, когда получилъ письмо отъ Петра со внушеніемъ поступать милостиво, жестокостями не усиливать слуховъ о томъ, что Долгорукій мститъ за убіеніе брата.

Булавинъ сдѣлалъ ошибку, раздѣливъ свои войска на нѣсколько отрядовъ. Если-бы онъ со всѣми силами своей голытьбы бросился на Волгу и пошелъ вверхъ этою рѣкою, то его движеніе, при незатихшемъ еще башкирскомъ бунтѣ, при вступленіи Карла XII въ русскіе предѣлы и при внутреннемъ неудовольствіи, возбужденномъ преобразованіями и тягостями, могло-бы сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ ²⁾).

Неудачи лишили Булавина довѣрія. Между казаками всегда находились ютовые къ измѣнѣ, къ выдачѣ своихъ атамановъ власти, надѣясь черезъ это на выигрышъ для себя. Нѣкоторые казаки написали челобитную и отправили ее къ царю. Въ ней они жаловались на страшныя насилія Булавина и его товарищей, рассказывали, что сіи послѣдніе многихъ людей въ воду сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ межъ колодь давили и всякое ругательство чинили. При всемъ томъ, однако, челобитчики считали себя въ правѣ вступить какъ-бы въ формальные переговоры съ правительствомъ. Въ концѣ челобитной сказано: «мы желаемъ тебѣ служить по прежнему; но чтобъ твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили; а буде они насильно поступать и какое разореніе учинять, въ томъ воля твоя: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ».

Петръ, получивъ челобитную, велѣлъ Долгорукому прекратить военныя дѣйствія. Очевидно, царь надѣялся на сдѣлку съ мятежниками. Однако, положеніе Долгорукаго было чрезвычайно затруднительно. Отъ Толстого онъ получалъ изъ Азова тревожныя письма, заставлявшія его дѣйствовать; движенія Булавина опять становились опасными, особенно для Азова. Петръ, наконецъ, пре-

¹⁾ Соловьевъ, XV, 252.

²⁾ Тамъ-же, XV, 254.

доставить Долгорукову дѣйствовать по усмотрѣнію, «ибо издали такъ нельзя знать, какъ тамъ будучи» ¹⁾).

Послѣ этого, царскимъ войскамъ удалось въ разныхъ мѣстахъ разбить шайки бунтовщиковъ. Нападеніе, сдѣланное послѣдними на Азовъ, не имѣло успѣха, хотя они ворвались было на мгновеніе въ Матросскую слободу и вся крѣпость находилась въ крайней опасности. Разбитые бѣглые казаки собирались захватить Булавина для выдачи его правительству. Видя себя окруженнымъ измѣнниками, атаманъ застрѣлился изъ пистолета (въ іюль 1708 г.). Мятежъ, однако, этимъ не прекратился. Другіе атаманы, Голый, Драный, Хохлачъ и пр., продолжали то, что начато Булавинымъ. Петръ опять прислалъ строгіе наказы: разорять городки, казнить жителей ихъ и пр. Долгорукій охотно исполнялъ, сколько могъ, эти приказанія. Съ Волги приближался князь Хованскій. Особенно кровопролитною была битва при Паншинѣ на Дону (23-го августа), гдѣ вмѣстѣ съ казаками-бунтовщиками сражались противъ царскаго войска многіе бѣглые драгуны и солдаты, служившіе до этого въ полкахъ Шереметева. Однако, побѣда была совершенная. Хованскій послѣ этого выжегъ 8 городковъ; 39 городковъ били челомъ и приведены къ присягѣ; столь же успѣшно дѣйствовалъ, въ свою очередь, и Долгорукій. Съ ворами дѣлалась строгая расправа. Нѣкоторыхъ преступниковъ четвертовали, другихъ, цѣлыми сотнями, вѣшали, поставивъ висѣлицы на плотяхъ и пуская ихъ по Дону внизъ, для внушенія всему населенію о судьбѣ, ожидавшей его, въ случаѣ упорства. Уничтожая разные городки и отправляя всѣхъ мушкетеровъ въ Астрахань для наказанія, Апраксинъ писалъ къ царю о старикахъ, женщинахъ и дѣтяхъ: «тѣ и сами исчезнутъ», т. е. пропадутъ голодною смертію, холодомъ и пр.

Таковы были приемы, употребляемые правительствомъ въ борьбѣ съ этими противогосударственными элементами. Кротость считалась невозможною. И дѣйствительно, каждое послабленіе, каждая уступка казались опасными. И безъ того шайки недовольныхъ продолжали дѣйствовать до глубокой осени. Атаманъ Голый еще нѣкоторое время разсылалъ грамоты, съ повтореніемъ избитыхъ фразъ о томъ, что-де нужно стоять за домъ Богородицы и не допускать введенія эллинской вѣры и пр. Приходилось продолжать борьбу съ бунтовщиками до окончательнаго истребленія ихъ. Въ одномъ сраженіи, до трехъ тысячъ приверженцевъ Голаго были убиты; многіе утонули или погибли во время бѣгства.

¹⁾ Соловьевъ, XV, 257.

Побѣда государства надъ казачествомъ была дѣломъ необходимости. Казачество, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, усиливалось на счетъ государства, вытягивая изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы. Государство, усиленное при Петрѣ лично государя и нуждаясь въ служебныхъ и производительныхъ силахъ для собственныхъ цѣлей, не могло позволить казачеству похищать у себя эти силы. Если казачество было побуждено уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то подавно оно оказалось слабѣйшимъ при Петрѣ: царское войско при Петрѣ было иное, чѣмъ при отцѣ его; эта перемѣна давала возможность горсти царскаго войска разбивать вдвое сильнѣйшихъ казаковъ; притомъ, еслибъ дѣло затянулось, Петръ самъ хотѣлъ ѣхать на Донъ, чего бы не сдѣлалъ отецъ его ¹⁾. Побѣда царя надъ казаками, отрицавшими возможность, необходимость преобразованія и представлявшими собою протестъ противъ началъ цивилизаціи и прогресса, была необходима для дальнѣйшихъ успѣховъ въ области внѣшней политики и для продолженія дѣла реформы. Хотя и впослѣдствіи именно въ этомъ юго-восточномъ краѣ повторялись явленія, похожія на Разинскій и Булавинскій бунты, все-таки пока Петръ могъ спокойно продолжать работу дальнѣйшаго преобразованія.

Оставалось, однако, бороться съ опасностью, угрожавшею государству съ совѣмъ иной стороны.

Когда въ Москвѣ была получена вѣсть о самоубійствѣ Булавина и о разбитіи его войска, царевичъ Алексѣй, сообщая объ этомъ князю Меншикову, поздравилъ его «съ сею викторіею» ²⁾.

Въ ту пору еще нельзя было предвидѣть той борьбы между царевичемъ и Петромъ, которая могла сдѣлаться еще гораздо опаснѣе столкновеній со стрѣльцами, астраханцами и казаками.

¹⁾ Соловьевъ, XV, 267.

²⁾ «Русская Старина», 1870 г., II, 12—13.